

МАТРИЦА, ПАТЕРНАЛИЗМ И СЕМЬЯ-СТРАНА: АНТРОПОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Алексей Пикулик

Холодильники, самбисты и карьерные грузовики на параде 9 мая, рекомендация нации меньше есть и больше бегать, война с работницей и присутствием иностранной музыки в эфире, «замызганными» французками на рекламе *Omega* — и робингудовская страсть по перераспределению галстуков *Brioni* через магазины конфиската... Все это и многое другое свидетельствует об очевидной истеричности белорусских реалий. И в то время, когда Восточная Европа уверенными шагами идет в Евросоюз, когда теоретики говорят о том, что термин «постсоветский» безнадежно устареет, Республика Беларусь остается последней надежной опорой антиглобалистов, борцов с макдоналдизацией мира и просто маргиналов-реваншистов. Цивилизация не пройдет! Капитализм ужасен! Наша отсталость послужит толчком в развитии. Viva картофельно-хоккейному Ману Чао, viva не таким как все!..

События, происходящие в Беларуси, вряд ли можно воспринимать как иррациональное стечение обстоятельств, да и Лукашенко не пришел к власти, как Бог из машины в античной трагедии. Можно долго искать ответы на вопросы, в чем сила и причина существующего режима: то ли в институциональной инерции и *path dependency*, то ли в конфигурации и реконфигурации элит в переходный период, то ли в слабой национальной идентичности и отсутствии достаточной традиции государственности, то ли в мертворожденном ребенке — капитализме без приватизации. Но на самой поверхности остается очевидный факт — многое в Беларуси носит печать симуляции... Демократия без демократов, когда прямое участие населения во власти через референдумы делает избыточной функцию репрезентативных политических институтов. Капитализм без капиталистов — система, в которой государство настолько слабо, что не может удержаться от вмешательства в работу рынков, и в которой либеральная доктрина становится прямой угрозой, потенциально приводящей к созданию альтернативных экономических групп. Национальная идентичность как идеологически выверенный проект, в котором, правда, больше от ксенофобии, чем национальных чувств. Наконец, гражданское общество, выстраиваемое сверху, как государственно одобренный идеологический аппарат.

Данный текст является лишь попыткой описания идеологической ситуации в Беларуси *per se*. В стране, в которой так или иначе устанавливается идеологическая монополия на социальные науки, а именно: альтернативные социологические институты закрываются государством, политология загоняется в рамки юриспруден-

ции и истории, а количественные методы все менее и менее доступны, — антропология и этнография как сугубо качественный, порой, партизанский метод приобретают новое значение и конкурируют разве что с психоанализом. Во-первых, много аналогий с РБ можно найти в классических антропологических работах: авторитет вождя, символический обмен, семья вождя, ритуальные действия, отношения с другими племенами. Во-вторых, изучение белорусской идеологии (ритуализированной, институционализированной, вписанной во все системы) напоминает классическое затруднение антропологов: как соотносить дискурсивную позицию белого антрополога-путешественника с повседневностью Другого туземца, племя которого изучается. Парадокс лишь в том, что в случае с белорусской идеологией исследователь становится Другим у себя дома.

Луи Альтюссер определял идеологию как репрезентацию воображаемых отношений индивидов к реальным условиям их существования. Особенность белорусской государственной идеологии состоит в том, что она является как бы проектом сверху, проектом, который через аппараты государства (как репрессивные, так и идеологические) транслируется благодарному населению. Возникает закономерный вопрос: это ли есть реальная белорусская идеология? Думаю, уместнее говорить об одном из идеологических дискурсов, присущем некоторым слоям населения, который выдается за общее естественное видение реальности. Дискурс, который обрел монопольные права.

Основной функцией идеологии у Альтюссера выступает репродукция социальной реальности, функцией же «официального идеологического проекта» является сохранение властвующей элиты во главе страны и наделение ее властью за счет гегемонии — подавлять, достигать консенсуса и, самое главное, реартикулировать общие интересы. В данной коммуникационной цепочке — почти по Ласуэллу—адресантом является элита, создающая идеологию, каналом пропаганды — все поле государственных аппаратов, наконец, адресатом выступает белорусский народ.

Вторая очевидная особенность идеологии РБ состоит в ее крайней персонификации. Думаю, что гениален тот, кто впервые назвал Лукашенко «батькой». Из подчас трогательного образа борца с коррупцией и маргинального медиатора голоса народа, из директора совхоза во власти, раздающего подзатыльники комбайнерам и пьяным трактористам, Лукашенко переродился в действительного хозяина ситуации и вождя страны. Порой кажется, что знакомую с детства шкловскую реальность президент абсолютно сознательно экстраполирует на всю страну. «Система», построенная волей одного человека, колонизирует здесь «жизненный мир» по-своему, консенсус достигается общим единым смыслом, который и воссоздает проект идеологии сверху. И этот порыв воистину убедителен. В семье-стране стоит баловать детей. Почему бы не подарить радость собственного детства: махание флажочком на Первомайской демонстрации в Минске, где асфальт, самолеты, где праздник всей страны. Почему бы не подарить людям красивое здание в форме алмаза из стекла и бетона? Почему бы не сыграть в хоккей и на радость всей семье не разгромить иноземцев, чтобы знали: батька — самый сильный, за батькой — как за каменной стеной. Поче-

му бы не переименовать два главных проспекта столицы в идеологемы... во-первых, чтобы порадовать ветеранов и возродить утасаживающее чувство победы, ну, а во-вторых, чтобы ездить на работу по проспекту Победителей, а не по проспекту, который носит имя другого, любимого нацией политика. Что, не радуется? Ваши проблемы!

Считая РБ своим огородом, «батяка» говорит за всех, заботится о нравственном состоянии народа-семьи, заставляет всех заниматься физкультурой и как авторитарный физрук организует массовые забеги на лыжах. Заботится о том, чтобы представительниц прекрасного пола не обижали заезжие молодцы на *Мазератти* (отчего эту самую *Мазератти* реализуют через магазины конфискованных товаров в Уручье), а девушек не «выпускает» на дискотеки в город (рейд по модельным агентствам в рамках борьбы с торговлей людьми). Детей нельзя отдавать на усыновление, да и на отдых отправлять проблематично: ведь увидят общество потребителей, вернуться и будут «критиковать». Очень много заботы. Очень много любви. Любви к своей семье, огороду, наполненной некоторой провинциальной патерналистской заботой: «бьет, значит, любит». Ну, это-то к своим, к родным, к непутевым детям. А вот как быть с врагами?

А враги — все, кто не согласен, все, кто не любит. И правильно: как можно не любить собственного отца, как можно спорить с ним?

Интересно и гендерное деление, и гендерные отношения: в авторитарной семье младших братьев (бюрократический аппарат) стоит «строить», ставить на место, для их же собственной пользы. А сестер надо любить и защищать, например, обеспечить им 30 % мест в парламенте. Цинизм идеологии — почти по Жижекку: верим, что неправильно, верим, что плохо, но делаем, ибо другой реальности нет...

Символическая борьба с Другим сильна в Беларуси. Во-первых, Другой для батяки — это или «хлопец» из соседнего колхоза, пришедший на дискотеку с бутылкой и кастетом, или богатый зажиточный сосед. Другой — это неолиберальная идеология с принципами Вашингтонского консенсуса (приватизация, либерализация, стабилизация, демократизация), которая, естественно, является прямой угрозой стабильности режима в РБ. Какой выход? Выход в тезисе Грамши о рертикуляции интересов: поместить дискурс Другого в свой, перевернуть, выдать за общий интерес и показать в прайм-тайм по всем телеканалам. Локальное доминирует над глобальным, колония и метрополия поменялись местами, Саид наоборот. Кучук Ханем, которая заявляет, что Флобер предвзято ее «репрезентирует», и начинает говорить за Флобера. Гайятри Спивак была бы поражена парадоксальностью интерпретации: «может ли угнетатель (Запад) говорить, когда угнетенный (белорусский народ) попросту не сможет его слушать»? Белорусский идеологический дискурс борется с либеральной идеологией и побеждает. Желательно с шокирующим видеорядом: СЕО из транснациональных корпораций, поедающие христианских младенчиков на завтрак; коварные планы врагов по завоеванию «хрустального сосуда», иезуитские стратегии МВФ, Всемирного банка по обнищанию белорусского народа. Классический нарратив антиглобалистов... А в социально-экономическом плане — борьба с любым проявлением Запада: от рекламы

до музыки, препоны на пути международного капитала, сознательное «убийство» инвестиционных рейтингов. Чтоб неповадно было инвестировать. Более того, белорусская идеология использует Другого, чтобы «обелить» себя — компенсировать, взять реванш за счет втаптывания Другого в грязь. 11 сентября 2001 года? Это спецслужбы США! Беслан? Зато у нас мирное небо над головой.

Итак, враги вне страны это: США, развитые страны, постоянно замышляющие плохое, «шпионско-благотворительные» организации, религиозные секты. Все эти вышеперечисленные компоненты включаются белорусской государственной идеологией в свое поле с изначальным отрицательным знаком. Уровень коннотации здесь заранее определен идеологией: коммерсанты приравниваются к ворам, оппозиция — к гомосексуалистам, сектантам, предателям, чиновники — к неразумным детям, которых учит и наказывает «бабка». И все эти эффекты достигаются за счет государственной идеологии.

Почти по Леви-Стросу, где миф призван логически решать природное противоречие, белорусская идеология во многом приравнивает социальное к природному. Так, например, силы добра и справедливости олицетворяет один человек — президент страны. Его оппоненты, соответственно, предстают как воплощение сил зла, тьмы. Этот уровень противопоставления даже нельзя назвать природным или социальным, он природно-социальный. Данный миф скрывает социально-природные конфликты крайне грубо и небрежно.

Компенсационная идеология подразумевает не только компенсацию за счет включения в дискурс Других как врагов, но и миф о покарании преступников. Так, кажется, что преступление — это белорусский язык, бело-красно-белый флаг, наконец, и суверенитет, а покарание преступника — это восстановление СССР. Здесь как бы присутствует желание расплаты, отыгрыша. И идеология, кажется, закрывает данную нехватку, ощутимую дыру в реальности.

Идеологические и репрессивные аппараты государства коррелируют друг с другом в большой степени, они связаны как для идеологической легитимации репрессивных мер, так и для репрессивного воздействия на дискурс Другого. Легитимный президент (sic!), репрезентирующий взгляды большинства, имеет возможность позиционировать себя как идеологически-репрессивный «аппарат» (как институт президентства) под названием «воплощение мечты о сильной руке». Мечта о «сильной руке» и порядке согревала душу советского человека не один десяток лет. С одной стороны, она избавляет от ненужных споров, помогает сконцентрировать усилия на решении важнейших задач. Вместо того чтобы воспитывать у граждан самостоятельность и инициативу, идеал «сильной руки» консервирует патриархально-патерналистскую политическую культуру. Именно присутствие «сильной руки» конструирует здесь идеологический феномен восприятия гражданами президента как воплощения идеологемы. Сконцентрировав в своих руках всю полноту власти, он избавил от необходимости принимать политические решения, делать просвещенный выбор. Приученные к постоянной опеке со стороны государства, белорусы легко отказываются от неожиданно «свалившейся» на них свободы, а вместе с ней — и от ответственности за ее использование.

«Идеологическое смещение» (Жижек) истинно велико: далеко не все принимают и присваивают репрезентацию данной идеологии, более того, кажется, что большинство не согласно с окрасом этой идеологии, но возможность изменить ситуацию, противостоять этой идеологии практически сведена к минимуму. У Альтюссера, оппозиция идеологии все равно говорит языком идеологии, являясь ее неотъемлемой частью, в Беларуси же идеология не предусматривает места для присутствия Другого дискурса как допустимого. Иначе говоря, здесь нет места другой позиции, можно лишь оспаривать тезисы идеологии ее же языком, что делает спор пустым и всегда проигрышным для оппозиции.

Государственные праздники наполнены пустотой, советский ритуал проведения шествий со спортсменами остался, но смысл утерян: ведь ни мощь отечественного спорта, ни здоровье нации, ни оптимизм не репрезентируются. Ответ на вопрос, зачем тогда все это, прост: это повторение и использование языка стереотипного мифа. Именно данная демагогия и присутствует в белорусской идеологии. Ее дискурс не репрезентирует, но играет в бисер, складывает в мозаику из штампов, клише и добивается узнаваемости. Легитимация приходит по привычке, хотя на самом деле люди чувствуют разлом между реальностью и своим отношением к ней. Ритуализация сильна — люди начинают действовать по инерции. Но ритуал неизменен — наоборот, он насыщается новым смыслом: 9 мая при Лукашенко становится экзистенциальным событием, которое удобно использовать для усиления ксенофобии.

Белорусская элита жестко субординирована, из уст президента вполне может вырваться: «Государство — это я». Гегемония достигается двумя стратегиями: люди получают неплохую (по меркам СНГ) зарплату и чувствуют стабильность режима. С другой стороны, интересы людей формируются и артикулируются единым центром власти.

В Восточной Европе востоксикация обществ, либерализация рынков и экономик, на определенном этапе повлекла за собой и возрождение некоторого национально-ориентированного дискурса. Интересно и то, что Беларусь не эксплуатирует националистический дискурс, который подчеркивал бы уникальность страны: заменой национализма служит ксенофобичность идеологического проекта, сплывающего нацию в борьбе с общим злом.

Таким образом, Беларусь является интереснейшим социальным экспериментом: султанизм-авторитаризм с окрасом ксенофобии и нетерпимости, с сильной централизованной властью и симуляцией нормальных государственных процессов. Все же это не африканский тип диктатуры, Лукашенко ищет легитимации как внутри страны, так и на международной арене, сохраняется также некоторая видимость авторитета институтов (иначе зачем тогда менять конституцию?). И хоть в стране закрываются университеты, газеты, подавляется любая инициатива по мобилизации граждан, хоть Беларусь и превратилась в пугало и перверсию для всего мало-мальски цивилизованного сообщества, государственная идеология в РБ является уникальным изобретением, ярким и запоминающимся примером того, как идеологический аппарат можно использовать для трансляции воли и харизмы одного человека. Архитектор матрицы?